

Поднепровья [19, с. 102]. Причем до такой степени, что эти древности выделяются в новую культуру типа Адаменского селища. Территория же Среднего Подвinya испытывала это влияние уже непосредственно как через верхнеднепровские, так и через племена культуры штрихованной керамики. Притока нового населения здесь не наблюдается вплоть до V н. э.

Вопрос об этнической принадлежности днепро-двинских городищ не является ныне дискуссионным. Принадлежность городищ раннего железного века Белорусского Подвinya к племенам восточнобалтской языковой группе неоспорима. Необходимо определить племенное членение в этнической истории восточных балтов. Изучая многочисленную гидронимию балтского происхождения, литовский языковед К. Буга пришел к выводу, что Верхнее Поднепровье и Среднее Подвине являлись родиной предков литовцев и латышей, причем в Среднем Подвине локализовались предки латышей, а к югу и юго-востоку от них, т. е. в бассейне Верхнего Поднепровья, — предки литовцев [20, р. 732, 739]. Археологически пока трудно доказать эти выводы, но указанные особенности в среде днепро-двинских племен явно свидетельствуют о племенном членении в восточнобалтской среде.

Со второй половины I тысячелетия н. э. судьба племен Белорусского Подвinya связана со сложными этническими процессами, вызванными значительными передвижениями балтских племен, что повлекло за собой образование новой культуры тушемлинско-банцеровского облика. Не касаясь полемики по вопросу ее этнической принадлежности, заметим лишь, что балтские черты в ней остаются преобладающими и только в самом конце I тысячелетия н. э. они почти полностью растворяются в славянской среде. Можно предположить, что в результате сложного процесса славянской колонизации потомки западнодвинских балтов, продвинувшись на территорию восточной Латвии, приняли участие в формировании этнической группировки латгалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будько В. Д., Митрофанов А. Г. Археология Белоруссии за советский период. — СА, 1967, № 4.
2. Шмидт Е. А. Днепро-двинские племена в I тысячелетии н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М.: ИА АН СССР, 1975.
3. Митрофанов А. Г. Памятники восточнобалтийских племен. — В кн.: Очерки по археологии Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1970, ч. 1.
4. Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвinya. — М.: Наука, 1970.
5. Минасян Р. С. Памятники раннего железного века на юге Псковской области. — АС, 1974, № 16.
6. Шадыро В. И. Племена днепро-двинской культуры Белорусского Подвinya (VIII—VII вв. до н. э.—IV в. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л.: ЛГУ, 1981.
7. Шмидт Е. А. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I тысячелетия до н. э. — Материалы по исследованию Смоленской области. Смоленск, 1961, вып. IV.

8. Граудонис Я. М. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. — Рига: Зинатне, 1967.
9. Graudonis J. Par dažiem Latvijas agro metalu periods kaula rotadatu tipiēm. — АЕ, XI, Riga, 1974.
10. Очерки по археологии Белоруссии. — Минск: Наука и техника, 1970, ч. 1.
11. Шут К. П. Памятники раннего железного века на севере Белоруссии. — В кн.: ДБ. Минск, 1966.
12. Моора Н. Die Eisenzeit in Lettland bis etw. 500 n. Chr. 1, 2. — Tartu, 1929.
13. Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. — М.: Наука, 1971.
14. Минасян Р. С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья. — АС, 1978, № 19.
15. Шмидт Е. А. Днепро-двинские племена в I тысячелетии н. э.: Дис. ... д-ра ист. наук. — М.: ИА АН СССР, 1975.
16. Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. — МИА, 1941, № 5.
17. Седов В. В. Булавки восточных балтов в эпоху раннего железа. — АБС, 1962, т. V.
18. Третьяков П. Н. Городище Осыно. — СА, 1976, № 3.
19. Шмидт Е. А. Особенности развития днепро-двинской культуры в первых веках н. э. — В кн.: БС. Минск, 1972.
20. Būga K. Rinkiniai raštai. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1961, t. 3.

BALTISCHE ALTERTÜMER DES BELORUSSISCHEN FLUSSGEBIETS VON DWINA

W. Schapiro

Zusammenfassung

Im vorliegenden Beitrag werden die Ergebnisse der neuesten Forschungen der Bodendenkmäler der Eisenzeit aus nördlichem Belorussland (Flussgebiet von Westdwin) dargelegt. Die Mehrheit der Funde wird in der wissenschaftlichen Literatur zum ersten Mal beleuchtet. Die reichen Funde zeugen davon, dass sich im Norden Belorusslands im 8. und 7. Jahrhundert v. u. Z. eine eigentümliche Gruppe der ostbaltischen Stämme gebildet hat. Zusammen mit den Stämmen, die das Gebiet am Dnepr bei Smolensk und im Süden von Pleskau (Sebeshskoe Pooosjorie) bewohnten, hat diese Gruppe eine einheitliche und eigentümliche dnepro-dwinische Kultur geschaffen. Das Gebiet des belorussischen Flusses Dwina, das sich im Areal der dnepro-dwinischen Kultur befand, weist viele spezifischen Besonderheiten auf. Daher kann man über die westliche Variante dieser Kultur sprechen. Das Leben dieser Stämme kennzeichnen seit der zweiten Hälfte des ersten Jahrtausends u. Z. die komplizierten ethnischen Wandlungen unter den baltischen Stämmen sowie die Kolonisation dieser Gebiete durch Slawen. Ende des ersten Jahrtausends u. Z. hat sich das baltische Element unter Slawen fast völlig aufgelöst.

БАЛТСКИЕ НАХОДКИ В КУРГАНАХ ЗАПАДНОЙ РУСИ

З. М. Сергеева (Москва)

В древнерусских полусферических курганах X—XIII вв. выделяется группа находок, имеющая в древностях балтов массовые аналогии как по внешнему виду, так и по назначению. Среди них наиболее яркими являются металлические украшения — шейные гривны, фибулы, браслеты, перстни, подвески, некоторые изделия из янтаря, ткани, украшенные спиральками или обоймицами, головные уборы.

Происхождение балтских находок из древнерусских памятников исследователи объясняют по-разному. Одни рассматривают их как остатки материальной культуры местного древнего населения, родственного современным прибалтийским народам, которое обитало на западнорусской территории до расселения славян, другие — как свидетельства культурно-экономических связей между славянским населением и прибалтийскими племенами в домонгольский период.

К таким находкам относятся прежде всего шейные гривны с пластинчатыми концами (рис. 1: 1). Подобные гривны на древнерусской территории найдены дважды — в Подвинье и верховьях Березины (рис. 2). Они обнаружены в могильниках с женскими труположениями X—XI вв. на горизонте и имеют западную ориентировку [1, с. 182; 2, с. 39]. Сопровождающий инвентарь древнерусский, имеются кривичские браслетообразные височные кольца.

Многочисленные аналогии и параллели этим гривнам известны среди материалов раскопок в Прибалтике. По своему происхождению большинство находок относится к восточной Латвии и восточной Литве. Здесь они появляются в VII—VIII вв., а наибольшее распространение получают в IX—XI вв. [3, стр. 231; 4, жем. 15]. Особенно часты такие гривны в древностях латгалов [5, с. 35]. Древнерусские находки сходны с балтскими не только по типологии, но и по ряду мелких признаков: заходящие заостренные концы, орнамент из треугольников, косых крестов, насечек и треугольное сечение пластинчатых концов.

На древнерусской территории среди ранних материалов весьма

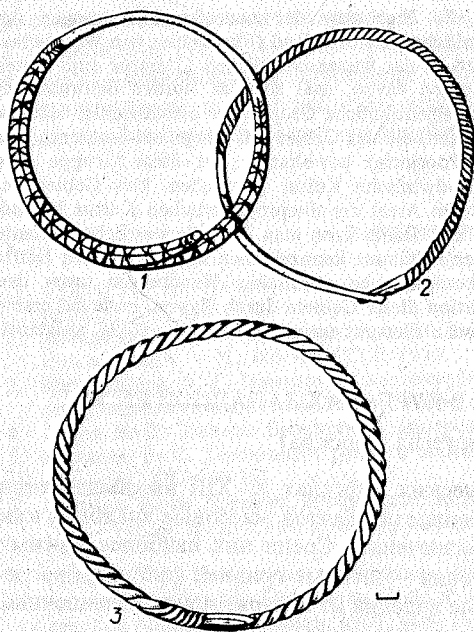

Рис. 1. Балтские шейные гривны из западнорусских курганов: 1 — Рудня; 2, 3 — Новинки

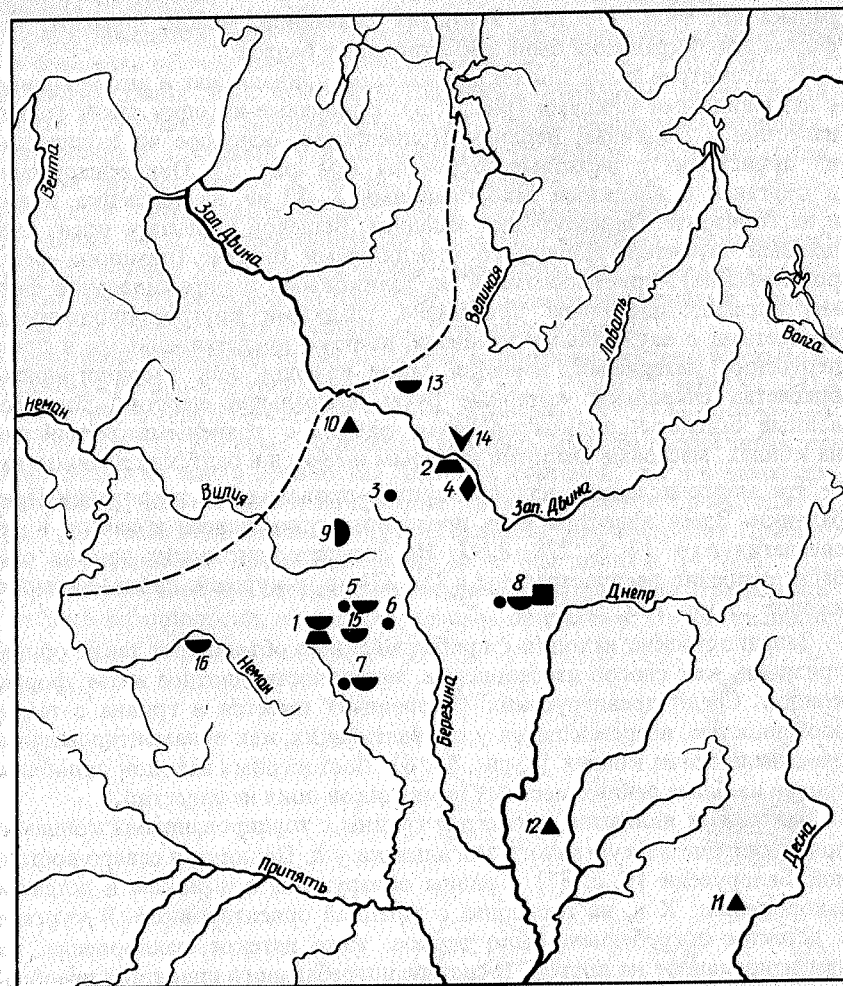

Рис. 2. Распространение балтских находок (гривны с пластинчатыми (I), петлевыми (II) и тордированными (III) концами, пластинчатые браслеты с расширяющимися концами (IV), фибулы с маковидными (V), утолщенными (VI) и зооморфными (VII) концами, перстни спиральные (VIII)) на территории Западной Руси: 1 — Заславль; 2 — Рудня; 3 — Черневичи; 4 — Бельчицы; 5 — Видогоше; 6 — Логойские курганы; 7 — Гребень; 8 — Новинки; 9 — Навры; 10 — Заборные гумны; 11 — Кветуль; 12 — Ботвиновка; 13 — Защирино; 14 — Захарнич; 15 — Арбицкая слобода; 16 — Бретянка

близка к рассматриваемым гривна из комбинированного кургана с трупосожжением у д. Городня в Псковской обл. В комплексе с ней встречены и другие балтские изделия — спиральный перстень и спи-

ралька [6, табл. 27: 11]. Учитывая сказанное, можно полагать, что форма этих украшений была заимствована у балтов.

К рассматриваемой коллекции находок принадлежат и витые гривны с петлевидными концами (рис. 1: 3). Единичные находки таких гривен известны в Подвинье, Верхнем Поднепровье, основное же количество их происходит с верховьев Березины (см. рис. 2). Они обнаружены в курганах с женскими захоронениями X—XI вв. на подсыпке, в яме и на горизонте. Ориентировка западная. Вещевой инвентарь носит смешанный характер. Наряду со стеклянными бусами (лимонки, беломромбические), хрустальными и сердоликовыми бипирамидальной формы бусами, шиферным пряслищем, гладкими круглопроволочными браслетами с зауженными концами, широко представленными в древнерусских материалах, имеются такие изделия, как звериноголовые браслеты, спиральки, янтарные бусы, спиральные перстни, тордированные браслеты, подковообразная фибула с гранеными головками на концах, массовые аналоги которым имеются в балтских древностях.

Эти многочисленные находки гривен происходят с территории Прибалтики. Здесь известны и их прототипы, относящиеся к началу I тысячелетия н. э. [7, S. 278, 279]. На латышско-литовских землях они были особенно распространены в IX—XII вв. у куршей, ливов, латгалов и селов [3, lpp. 145, 231].

Западнорусские находки с прибалтийскими объединяют такие общие признаки, как способ изготовления, массивность, плотное витье, форма концов. Среди древнерусских (Черневичи) имеется и гривна с такой особенностью, встречающейся у прибалтийских, как орнаментированные плоские петли на концах [8, рис. 54: 8]. Достоверных находок подобных гривен из более ранних местных памятников пока не известно.

Балтскими являются также две гривны с тордированными концами, происходящие из курганного могильника у д. Новинки в северо-восточной Белоруссии [9, с. 87]. Гривны обнаружены в женском и детском захоронениях X в. на горизонте с западной ориентировкой. В кургане с детским погребением было второе, тоже детское, захоронение, но ориентированное на восток. В составе погребального инвентаря преобладают предметы, характерные для древностей латгалов и селов. Кроме того, у черепа ребенка найдены спиральные пронизки с трапециевидными и S-видными подвесками, которые являются остатками головного убора, имеющего прямые аналоги в погребениях селов XI в. [3, lpp. 148]. Аналогии и параллели этому типу гривен происходят из Прибалтики. Здесь они особенно были популярны в восточной Латвии в X—XI вв. [10, Abb. 10].

Идентичность украшений, нахождение гривен в комплексах с латгальскими и селонскими материалами дают возможность говорить о проникновении этого типа изделий с территории восточной Латвии и о принадлежности их славянизированному балтскому населению, островки которого еще сохранялись в Верхнем Поднепровье в XI в. Подтверждением этому может служить и древний топоним с корнем *Lat* — „Латы-

говка” — название деревни, расположенной близ исследованного могильника [9, с. 85].

Среди браслетов сходство с балтскими обнаруживают звериноголовые браслеты, исследование которых проведено автором [11, с. 30, 35]. Из других типов этих находок к балтским относится пластинчатый браслет треугольного сечения (рис. 3: 4) с расширяющимися концами, обнаруженный в кургане у д. Бельчицы в Полоцком Подвинье среди остатков трупосожжения X—XI вв. на горизонте [1, табл. I: 9]. Сопровождающий материал содержит синие, зеленые, желтые ребристые стеклянные бусы, распространенные и в ранних курганах с сожжением, и в захоронениях XI—XII вв., а также гончарный сосуд с линейным орнаментом, круглопроволочные браслеты с утонченными концами, характерные для древнерусских курганов с труположениями.

Однотипные браслеты на исследуемой территории найдены в четырехугольном кургане с трупосожжением IX—X вв. у Рудни [1, табл. VI: 33], в одном из каменных курганов с трупосожжением X—XI вв. у Ясудова [12, рис. 105: 4], вещевые комплексы которых носят балтский характер, имеют аналогии как в древностях длинных курганов, так и в находках Прибалтики. Многочисленные находки таких браслетов происходят с территории западной Литвы, в других районах юго-восточной Прибалтики они единичны. Время бытования их с VIII до XI в. [4, žem. 55].

Браслет из Бельчиц сходен с находками на территории Прибалтики не только по типологии, но и по отдельным признакам. Он также имеет

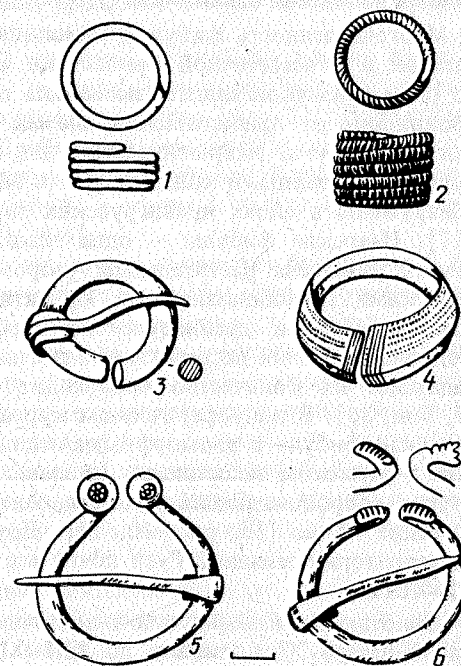

Рис. 3. Балтские находки из западнорусских курганов: 1, 2 — Новинки; 3 — Навры; 4 — Бельчицы; 5 — Заборные гумны; 6 — Захарниччи

более узкую среднюю часть и расширенные концы, как балтские браслеты VIII–IX вв.; украшен несколькими продольными рядами штампованного орнамента, как, напр., браслет из Лайвйяй [13, раv. 491].

Из застежек к балтским принадлежат подковообразные фибулы с маковидными концами (рис. 3: 5). В древнерусских курганах западной территории Руси такие фибулы встречены в Подвинье, верховьях Березины и бассейне Сожа и Десны (см. рис. 2). Фибулы обнаружены в мужских захоронениях на горизонте или в яме, преимущественно ориентированных на запад. Сопровождающие вещевые материалы датируются XI–XII вв. Характер инвентаря древнерусский. Среди находок всегда присутствует оружие: наконечник копья, топор, наконечник стрелы, нож. В наиболее ранних памятниках древнерусской территории застежки такого типа не известны.

Фибулы с маковидными концами широко распространены в странах Прибалтики, но больше всего находок обнаружено на территории Латвии и Литвы [3, lpp. 230; 14, p. 164]. Появление их относится к X–XI вв.; в конце XII–начале XIII в. форма концов фибул видоизменяется, превращаясь в грибовидную [15, lpp. 129].

При сравнении древнерусских находок с прибалтийскими сходство не только типологическое, но совпадают и размеры, формы концов, сечения дуг. Среди литовско-латышских находок, как и среди западнорусских, преобладают фибулы с круглым и овальным сечениями. Близкие аналогии имеются в материалах латгалов, ливов, селов, земгалов и во многих памятниках с территории Литвы.

Многочисленность фибул с маковидными концами и их раннее появление в юго-восточной Прибалтике, сходство древнерусских с ними по ряду признаков дают возможность относить последние к изделиям, проникшим от прибалтийских племен. Только из одного курганного могильника у д. Навры известны две балтские подковообразные фибулы с утолщенными концами [16, s. 38]. Другие находки таких фибул обнаружены в слоях древнерусских городов и поселений XI–XIII вв. [17]. Наврские фибулы — одна гладкая без орнамента (рис. 3: 3), другая украшена растительным узором — найдены в могильниках с мужскими труположениями, ориентированных на запад. Сопровождающие находки древнерусского характера датируются XI–XII вв. Подобные изделия встречены во многих странах Прибалтики, но преобладающее их количество происходит с территории западной Литвы [4, žem. 36]. В полусферическом кургане у д. Захарничи найдена одна балтская фибула с зооморфными концами (рис. 3: 6). Фибула встречена в мужском захоронении (в яме), ориентированном на запад, без других сопровождающих находок. Автор раскопок датирует это погребение XI в. [18, рис. 10, 13]. Другие находки подобных фибул на территории западной Руси почти все происходят из городских слоев XI–XIII вв.

Однотипные изделия в юго-восточной Прибалтике известны с конца X–начала XI в. вплоть до XIII–XIV вв. Значительное количество

их обнаружено на территории западной и центральной Литвы и в восточной Латвии [19, p. 480; 4, žem. 36; 3, lpp. 126, 190]. Среди прибалтийских находок отмечается наибольшее разнообразие по оформлению дуг и концов, очень разные они по размерам; более натурально переланы у них головки животных.

Древнерусские фибулы с зооморфными концами имеют те же признаки, которые характерны и для прибалтийских экземпляров, но эти признаки у них менее яркие. Поэтому можно говорить пока только о влиянии со стороны балтских изделий на распространение фибул такого типа в древнерусских памятниках.

Влияние балтской материальной культуры сказалось и на распространении спиральных перстней в древнерусских курганах. Они найдены в Подвинье, Верхнем Поднепровье, в верховьях Березины и Виллы (см. рис. 2). Спиральные перстни изготовлены в основном из круглой в сечении проволоки и имеют от 2 до 8 витков (см. рис. 3: 1). Перстни встречены в могильниках с женскими и мужскими труположениями с западной и восточной ориентировками. Сопровождающий инвентарь датируется X–XII вв. и носит смешанный балто-славянский характер. Наряду с гончарными сосудами, перстнеобразными височными кольцами, золотисто-стеклянными и сердоликовыми бусами, круглопроволочными браслетами в комплексах встречены предметы, получившие распространение у балтов: звериноголовые браслеты, витые гривны с петлевидными концами, подковообразные фибулы, трапециевидные и колпачковидные привески и др.

Находки спиральных перстней известны и из более ранних памятников исследуемой территории — длинных курганов, женский инвентарь которых бесспорно имеет балтский характер [6, с. 32]. Появление спиральных перстней в странах Прибалтики относится к середине I тысячелетия н. э. [6, с. 458], у племен юго-восточной Прибалтики они особенно популярны и многочисленны в конце I–начале II тысячелетия н. э. [3, lpp. 190, 203, 217; 19, p. 498].

При сравнении древнерусских находок с местными балтскими и с находками на территории прибалтийских племен у первых отмечается только преобладание перстней из круглой в сечении проволоки. С учетом сказанного можно полагать, что этот тип перстней заимствован древнерусским населением от балтов и служит данью традиции балтской материальной культуры. Но среди древнерусских спиральных перстней имеются и экземпляры, проникшие, вероятно, от латышско-литовских племен. Такие, например, как спиральный перстень с плотной обмоткой из тонкой проволоки по всей основе из кургана у д. Новинки (см. рис. 3: 2). Прямые аналогии ему известны в латгальских древностях [5, табл. 6: 40].

Изучение небольшой коллекции балтских находок, происходящих из круглых курганов с западнорусской территории, показало, что часть их традиционно заимствована от местного древнего балтского населения, другие проникли благодаря внешним связям от соседних прибалтийских племен, ряд изделий изготовлен на месте под влиянием при-

балтийских образцов. Среди находок выделяются более ранние (X—XI вв.), чье бытование не выходит за XI в., и более поздние, появившиеся на рубеже X—XI вв. и просуществовавшие до XII—XIII вв.

Большинство материалов X—XI вв. имеют аналоги и в древностях Прибалтики, и в местных более ранних памятниках — длинных курганах, женский инвентарь которых признается исследователями балтским. Почти все комплексы с этими предметами имеют смешанный балтославянский характер. Основное распространение балтских находок этого времени приходится на пограничные районы и северо-восточную Белоруссию. На основании исследуемого материала можно полагать, что в указанных районах в X—XI вв. обитало население, сохранившее еще свои балтские традиции в материальной культуре и тесно связанное различного рода контактами с племенами Прибалтики.

Другая часть балтских находок (фибулы с маковидными, утолщенными и зооморфными концами), датирующаяся XI—XII вв., происходит из комплексов с древнерусскими материалами, не имеет аналогий в местных ранних древностях, параллели обнаруживаются только на территории Прибалтики. Предметы этого времени встречены на более широкой территории, захватывающей бассейн левых притоков Днепра. Такие типы балтских украшений распространились благодаря связям культурно-экономического характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ляўданскі А. Н. Археалёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе. — Працы археалёгічнай камісіі Беларускай АН. Мінск, 1930, т. 2.
2. Ляўданскі А. Н. Археалёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі Мінскай акругі. — Працы катэдры археалёгіі Беларускай АН. Мінск, 1928, т. 1.
3. LAR. — Riga: Zinatne, 1974.
4. LAA. — V.: Mokslas, 1978, т. 4.
5. Шноре Э. Д., Зариня А. Э., Дайга И. В. Нукшинский могильник. — МИАЛ, 1957, т. 1.
6. Седов В. В. Длинные курганы кривичей. — САИ, 1974, вып. E1-8.
7. Moora H. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., I. — Tartu-Dorpat, 1929.
8. Голубович Е., Голубович В. Славянские поселения правобережной Дисны в Виленском округе БССР. — КСИИМК, 1945, вып. 11.
9. Сергеева З. М. Курганы у д. Новинки. — КСИА, 1975, вып. 144.
10. Karnups A. Die Haupttypen der lettischen Halsringe in der jüngeren Eisenzeit. — In: Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 1928.
11. Сергеева З. М. К изучению культурно-экономических связей западнорусских земель с Прибалтикой. — КСИА, 1981, вып. 164.
12. Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
13. Lietuvių liaudies menas, kn. 1. — V.: Valst. grož. lit. leidykla, 1958.
14. Volkaitė-Kulikauskienė R. Lietuviai IX—XII amžiais. — V.: Mintis, 1970.
15. Brivkalne E. Tērvetes saktas. — AE, 1974, XI.
16. Cehak-Nowbowniczowa H. Materiały i zagadnienia smentarzyska kurhanowego koło wsi Nawry w pow. Postawskim. — RA. Wilno, 1937, т. 1.
17. Сергеева З. М. О подковообразных фибулах с утолщенными концами на территории Древней Руси. — КСИА, 1977, вып. 150.

18. Штыхаў Г. В. Вывучэнне курганоў Полацкай зямлі. — БС. Мінск, 1972.
19. Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A. LAB. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1961.

BALTISCHE FUNDE IN DEN HÜGELGRÄBERN WESTRUSSLANDS

S. Sergejewa

Z u s a m m e n f a s s u n g

In den altrussischen hemisphärischen Hügelgräbern des 10. bis 13. Jahrhunderts auf dem Territorium Westrusslands hebt sich eine Gruppe von Funden heraus, die Analogien zum Altertum der Balten aufweisen. Zu ihnen gehören Halsringe mit abgeflachten Enden, gewundene Halsringe mit Ösen an den Enden, Halsringe mit tordierten Enden, hohlwändige, dreieckige Armringe mit breiten Enden, Spiralfingerringe und Hufeisenfibeln mit Mohnkopft-, Tierkopf- und verbreiteten Enden (Abb. 1, Abb. 3). Die Orte dieser Funde liegen vorwiegend in den Gebieten, die an das Baltikum grenzen, und im Oberen Dneprland (Abb. 2). Die Erforschung solcher Funde aus der Vorzeit gibt die Möglichkeit, den folgenden Schluss über ihre Herkunft zu ziehen: die meisten Funde aus dem 10. und 11. Jahrhundert sind mit der Kultur der ortsansässigen urbaltischen Bevölkerung verbunden. Der andere Teil der gefundenen Gegenstände ging unmittelbar aus dem Gebiet des Baltikum ein. Die Schmuckgegenstände aus dem 11. bis 12. Jahrhundert wurden dank der kulturellen und Handelsbeziehungen der altrussischen Bevölkerung mit den baltischen Stämmen verbreitet.

СТРОИТЕЛЬСТВО НА ТЕРРИТОРИИ КУЛЬТУРЫ ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ

Я. Граудонис (Рига)

Исследование развития строительства в каком-либо ареале имеет большое научное значение, ибо оно дает представление об уровне развития материальной культуры, условиях повседневной жизни населения и общественных отношениях обитателей данного региона. Элементы и приемы строительства могут указать и на этнические особенности. Однако плохая сохранность остатков жилых, хозяйственных и оборонительных сооружений, открытых археологами, размеры раскопок, не позволяющие полностью открыть обнаруженные объекты строительства, ограничивают возможности исследователей.

В основу настоящего исследования легли материалы пяти полностью (Брикули, Винакалнс, Диевукалнс, Кивуткалнс, Мукукалнс) и девяти частично (Асотское, Дигнайское городища, Кентескалнс, Клангюкалнс, Паплака и др.) исследованных городищ — укрепленных поселений на территории Латвийской ССР. Используются также сведения, опубликованные литовскими (Р. Куликаускаене, П. Куликаускас, Е. Григалавичене, В. Даугудис) и белорусскими (А. Г. Митрофанов, Я. Зверуго) археологами.

В области распространения штрихованной керамики [1, рис. 1: 2] в период от II—I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э. характерным, хотя и не единственным типом поселений, были городища — укрепленные поселения [2, с. 21; 3, с. 187; 4, с. 18]. В этом